

ВСТРЕЧИ
НА ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ

СЛОВО

О ПУШКИНЕ

Анна АХМАТОВА

МОЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК П. Е. Щеголев кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и не-полетик, родственников Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории une affaire de regiment (вопрос чести полка), ханжеских салонов Нессельроде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Il faut que j'arrange ma maison (Мне надо привести в порядок мой дом)», — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины,

хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время, и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,

Можете пока спокойно спать.

Сила — право, только ваши дети

За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный аеге perennius.

26 мая 1961
Комарово

ТАЙНЫ, ВОЛНОВАВШИЕ АННУ АХМАТОВУ

«ТАЙНЫ» — слово нередкое в сочинениях Анны Ахматовой. За этим словом сокрыт глубокий, далеко не мистический смысл. Тайны бытия. Тайны искусства. «Тайны ремесла» — цикл стихотворений. Среди тайн, всю жизнь волновавших и привлекавших Анну Ахматову, был Пушкин. Как аллея Царскосельского, ныне Пушкинского, сада, проходит через всю жизнь Анны Ахматовой образ Пушкина. От стихотворения 1911 года «Смуглый отрок бродил по аллеям» через стихи «Здесь Пушкина изгнание началось» (1927), «Кто знает, что такое слава» (1943) и другие к «Городу Пушкина» (1957). Так же и с прозой — статьи, эссе, записи.

В автобиографии «Коротко о себе» (1965), за год до смерти, Анна Андреевна Ахматова сообщает: «Я не переставала писать стихи». За этим сообщением — душевная драма. Верно, она не переставала писать стихи, переводить, писала мемуарные очерки и исследования. Она писала, но ее не печатали, особенно после речи А. Жданова (1946). Длительно находясь в бедственном положении, еще не нашедшем отражения в нашей печати, Анна Ахматова занималась (особенно в двадцатые — тридцатые годы) архитектурой старого Петербурга и историей литературы, предпочитательно пушкиноведением. Я никогда не слышал из уст Анны Андреевны жалоб. Защищая честь рабочего, постоянно творящего человека, она продиктовала мне по годам перечень ее созданий и список невышедших книг. Упомянула среди прочего несохранившуюся поэму «Русский Трианон» с оставшимися отрывками и напечатанным в книге 1946 года описанием парка. Этот перечень приведен в моей книге «Работа поэта».

Как плохо мы знаем своих поэтов, как неверно их толкуем. Комнатная, камерная, сугубо ин-

тимная. Так воспринималась (за малыми исключениями) Анна Ахматова — поэт глубокой историко-философской мысли, широчайших общественно-культурных интересов.

К счастью, Ахматова дожила до того времени, когда из уст современников (главным образом от молодого поколения, которое она называла «мои друзья последнего призыва») услышала слова признательности.

В 1958 году после долгих усилий друзей и почитателей Ахматовой вышла ее небольшая по объему книга «Стихотворения». Стали печататься другие ее книги и появляться публикации о ней. В друзья направились и вчерашние хулители, создававшие себе карьеру на низвержении Ахматовой и Зощенко.

Однажды Анна Андреевна пригласила меня на квартиру, где она жила.

— Со мной поступили, как с сенной девкой, — сказала она. — Мне вернули мои новые стихи, добавив, что собираются перепечатать старые из «Вечера» и «Четок». Это оскорбительно. Неужели новые стихи не лучше старых?

Как умею, долго описываю Anne Андреевне достоинства ее новых стихов, их преимущества перед старыми. Какая там сенная девка — императрица! Анна Андреевна слушает. А сама, видно, думает: не то, что-то здесь неладно... В другой раз приношу Anne Андреевне рукопись своей новой статьи об ее творчестве. Возвращаю взятые на время материалы. Читаю, слушает так, как она одна умела слушать: спокойно, напряжение скрыто, с достоинством, словно речь идет о другом человеке. В двух случаях она меня бережно прерывает. Первый случай:

— Вы сопоставляете Ахматову с Цветаевой. Это гимназическая затея. Два разных поэта.

Многие это делают, вам это делать не пристало.

Второй случай. В статье открытым текстом говорится о влиянии Пушкина на Ахматову. Приводятся примеры и доказательства.

— Прошу вас, остановитесь. Что с вами? Нельзя же так сильно нажимать перо. Пригасите! Если уж говорить об этом, то только как о далеком-далеком ответе. Будьте осторожны в отношении Пушкина, избегайте прямых подобоистных сравнений, покорнейше благодарю.

Читать дальше было трудно, просто невозможно. После внятного перерыва, занятого монологом Ахматовой о Пушкине, я дочитал свою статью, которую, придя домой, начал рашширять и марать.

В дальнейшем я не раз убеждался, что у Анны Андреевны не только изящество и тонкость в манере письма, но и сильный аналитический ум, самостоятельная дума, и терпение, и воля. Это явлено в ее статьях. Это мне посчастливилось узнать, присутствуя на ее беседах с двумя академиками — В. М. Жирмунским и В. В. Виноградовым. Это были не чувствительные вздохи о Пушкине, к которым подчас сводятся ему посвященные вечера и лекции, а серьезное собеседование равных или равновеликих. Все трое ценили и берегли слово. Оба академика тотчас же умолкали, как только начинала говорить Анна Андреевна. Не потому, конечно, умолкали, что говорили женщина. Они знали, кто говорит. Выношенные мысли, самостоятельность выводов, дар полемиста, подчас очень скрытого, это признавали многие из пушкинистов, в том числе такой сокрушительной эрудиции человек, как Б. В. Томашевский (на книге, подаренной А. А. Ахматовой, он сделал надпись: «Anne Андреевне Ахматовой — лучшему знатоку Пушкина. 30 ноября 1955 года»).

Тайна Пушкина не давала покоя Anne Ахматовой — поэту и ученому. Она располагала огромным материалом, которым распоряжалась бережно и умно. Ее задача была снять с портрета Пушкина пыль десятилетий и освободить великого поэта от кривотолков, обретших живучесть и популярность.

Публикуемое в сегодняшнем номере «Московских новостей» эссе «Слово о Пушкине» открывает серию ахматовских статей, подготовленных и изученных другом поэта и вдумчивым исследователем Эммой Григорьевой Герштейн. Именно ей принадлежит большая заслуга по подготовке книги статей и замечаний Анны Ахматовой о Пушкине. Судьба этих статей моделирует судьбу автора. Анна Андреевна говорила мне не раз о том, что уже завершена рукопись книги попала в беду: в новой квартире, которой Ахматова, в сущности, не пользовалась, прорвало трубу, и вода залила рукописи, в том числе книгу о Пушкине, текст оказался размытым. Э. Г. Герштейн приводит свидетельство Ахматовой: две статьи «Пушкин и Мицкевич» и «Пушкин и Достоевский» пропали в блокаду. В ноябре 1945 года после войны Ахматова сообщила в «Литературной газете»: собирается книга заметок о Пушкине. Их всего двадцать пять. «Среди них и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения за эпистолярным стилем Пушкина, и красочном эпитете у Пушкина». В 1959 году, как показывает Эмма Герштейн, было составлено аннотированное «Оглавление» заметок, теперь их было уже не 25, а около 50. Книга разнообразна и разнохарактерна: здесь и последняя сказка Пушкина, и его «Каменный гость», здесь «Пушкин и Невское взморье», и «Болдинская осень» (8-я глава «Онегина»).

Открывает книгу «Слово о Пушкине». Оно должно было

завершить работу «Гибель Пушкина», которую в поздние годы Анна Ахматова пересматривала. «Слово о Пушкине» является действительно новым словом о нем. Доселе говорилось (в том числе известным пушкинистом, автором книги «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголевым), что они — враги и так называемые друзья — сделали с Пушкиным. А теперь настала пора показать (у Ахматовой «громко сказать») о том, что он сделал с ними.

Лаконизм Анны Ахматовой — не только важнейшее свойство ее стиля, но и черта поэтического характера. С первых шагов Ахматова — мастер малых лирических форм: в большинстве своем это три-четыре четверостишия, пять попадает редко, больше семи не бывает. Взлетная площадка мала, но поэтическая мысль совершает высокий полет. Это относится и к прозе. Академик В. М. Жирмунский отмечает «эпиграмматичность словесной формы» Анны Ахматовой.

Этой сжатостью при остроте мысли, этой эпиграмматичностью отличается и «Слово о Пушкине». Две страницы, а материала на несколько докторских диссертаций. Здесь и любовь к Пушкину, и ненависть к его убийцам. Здесь догадка вдумчивого исследователя и пристрастие поэта, через десятилетия почувствовавшего боль и трагедию великого предшественника.

Злейшие его враги — голландский дипломат Геккерн; презренный Дантес, интриганка И. Полетика, царедворец Г. Строганов, жена министра иностранных дел при Николае I М. Нессельроде и другие изучены Ахматовой с возможной полнотой. К ним добавлены так называемые друзья поэта, когда была найдена переписка Карамзиных. Изучавшиеся причины гибели поэта обрести все новые факты. Их много. Они требовали от исследователя тщательности и вдумчивости, умения корректировать свои наблюдения и не спешить с выводами. Анна Ахматова умела не спешить. И концепция гибели Пушкина и ее последствий четко, до лапидарности научной формулы ясно выражена в «Слове о Пушкине».

«Слово о Пушкине» — образец гневной инвективы и одновременно песнь в честь поэта-победителя. Как стихотворение в прозе, это слово о Пушкине хочется заучить наизусть.

Лев ОЗЕРОВ.